

ной язык, который будто бы помогает ему уразумевать все остальные. Кардинал де Ришелье вызвал его сюда, в Париж, но тот поссорился с де Мюи, профессором древнееврейского языка, и с другим ученым, — возможно, то был Спония, тот самый ливанец, что работал над Библией Леже.⁴⁰ Лепайер, один из приятелей де Валле, настоятельно просил его не задевать самолюбия этих ученых. Однажды Лепайер, увидев несколько отписок сего труда, спросил, исправлены ли они, на что де Валле ответил: «Куда там, эти люди просто невежды». Де Мюи узнал об этом и стал всячески его чернить. Однако кардиналу де Ришелье захотелось, чтобы де Валле огласил все, что ему известно об этом коренном языке, но тот отвечал: «Вы добиваетесь от меня, чтобы я открыл свою тайну, так дайте мне тогда средства к существованию». Кардинал не внял его словам, и тайна де Валле ушла вместе с ним в могилу.

Движимый самолюбием, Кардинал хотел примирить оба вероисповедания и с давних пор помышлял об этом. Он уже подкупил некоторых протестантских священников в Лангедоке, и тех, у кого водились деньги, и тех, у кого их не было, прельщая их различными выгодами. Он вознамерился устроить богословские прения и заставить в них выступить тех, коих он подкупил, чтобы они, продав свою веру, уговорили остальных сделать то же. С этой целью он избирает аббата Сен-Сирака, человека необычайной честности и пользовавшегося доброй славой, дабы поставить его во главе докторов богословия, предназначенных для диспута с протестантскими священниками. Сен-Сирак ответил Кардиналу, что тот оказывает ему большую честь, сочтя достойным быть во главе стольких ученых мужей, но что он, по совести своей, полагает себя обязанным сказать, что не таковы пути Святого Духа; что это скорее пути земные, пути плоти и крови, и что еретиков подобает обращать лишь добрыми примерами. Кардиналу отнюдь не понравился этот упрек, и сие послужило истинной причиною заключения Сен-Сирака в тюрьму.

В Лангедоке Кардинал послал однажды за одним из протестантских пастырей Монпелье, по имени Лефосер, родом из Женевы. Он хотел подкупить его, ибо тот пользовался хорошою славой, и послал ему десять тысяч франков. Пресвитер был сильно поражен: «К чему же посылать мне деньги?» — спросил он у того, кто ему их привнес. «Господин Кардинал, — отвечает тот, — просит вас принять их как королевский дар». Лефосер и слушать о том не захотел. Кардиналу его поступок не понравился, в бедного пресвитера долгое время не допускали до богослужения, пока ему не разрешили выступить с проповедями в Париже. Один из его собратьев, по имени Местрезэ, вернул десять тысяч экю наследникам того человека, который дал их ему на хранение, причем ни он, ни кто бы то ни было ничего об этом не знали.

Кардинал, который в ту пору пуждался в содействии Римского Двора, велел епископу Шартрскому Валансе разыскать старого сорбонского богослова, по имени Фильзак, и сказать ему от имени Его Высочайшего